

Михаил Петрович Арцыбашев

**Преступление доктора
Лурье**

Михаил Арцыбашев

Преступление доктора Лурье

«Public Domain»

1912

Арцыбашев М. П.

Преступление доктора Лурье / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1912

«В экстренном собрании медицинского общества я торжественно исключен из числа членов; надо мною висит тяжкий судебный процесс; газеты переполнены описаниями моего преступления, находятся люди, во имя гуманности взывающие к гильотине; в бульварных иллюстрациях мои портреты помещаются как портреты одного из величайших преступников своего времени. Подвергнутый остракизму, всеми оставленный, в тюрьме, заклеенный именем злодея, предмет всеобщего возмущения, я – конченный человек...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Михаил Петрович Арцыбашев

Преступление доктора Лурье

I

*Потому что во многой мудрости много печали, и кто умножает
познания – умножает скорбь.
Екклезиаст, 18*

В экстренном собрании медицинского общества я торжественно исключен из числа членов; надо мною висит тяжкий судебный процесс; газеты переполнены описаниями моего преступления, находятся люди, во имя гуманности взывающие к гильотине; в бульварных иллюстрациях мои портреты помещаются как портреты одного из величайших преступников своего времени. Подвергнутый остракизму, всеми оставленный, в тюрьме, заклеянный именем злодея, предмет всеобщего возмущения, я – конченный человек.

Видит Бог, что меня мало огорчает презрение общества, не пугает каторга, еще менее трогает звание злодея и совершенно не беспокоит будущее.

Я принадлежу к числу людей, для которых нет суда, кроме суда своей совести, которые свое счастье и свое страдание носят внутри себя. Я могу жить один. В нужде, в изгнании или каторге я останусь тем же Жаном Лурье и так же буду смотреть на мир, как смотрел, будучи всеми уважаемым, подающим большие надежды молодым ученым, членом многих ученых обществ.

И сейчас так же твердо смотрят мои глаза, так же непреклонна воля, так же ровно бьется сердце, так же ясен мой ум, И если я пришел к своему последнему решению, то человечество повинно в этом столько же, сколько стул, на котором я сижу в эту минуту.

Причины моего самоубийства, быть может, будут понятны немногим, но так как ход моей мысли и глубже и сильнее моего слова и я не могу выразить даже и сотой доли своих переживаний, то пусть имеющий уши, чтобы слышать, и мозг, чтобы мыслить, сам проникнет в смысл страшной истины, внезапно открывшейся предо мною, а я буду говорить только о своем преступлении.

Вот схема его, как она запечатлена протоколом и газетами:

Я, доктор Жан Лурье, во время своего последнего путешествия по Центральной Африке силой захватил в рабство молодого негра из племени кафров, по имени Разу, в глубочайшей тайне привез его в Париж, поместил в закрытой для всех, уединенной оранжерее и держал его там, в одиночном заключении, с целью каких-то ужасных опытов. В одно прекрасное утро несчастный негр, не вынеся утонченнейших мучений, которым подвергал его доктор Лурье, покончил с собою, повесившись на железном переплете оранжереи. Невозможность оставить труп в квартире и необходимость, в целях сокрытия следов преступления, прибегнуть к помощи своего служителя Жозефа послужили к раскрытию злодеяния, и дело стало достоянием следствия и суда.

Все это так... В интересах истины газеты должны были бы прибавить, что этот злодей, доктор Лурье, вовсе и не старался скрыть свое преступление и что предательство Жозефа заключалось только в том, что, внезапно увидя голый черный труп, он поднял неистовый крик, чем привлек внимание случайных прохожих, сообщивших об этом полицейскому сержанту. В это же время я, перенеся бедный труп из его помещения в приемную, уже одевался, чтобы идти с заявлением в префектуру.

Я не думал скрываться: что я сделал, то сделал... Но мне глубоко жаль моего бедного Разу, который привязался ко мне, как собака... Я искренно сознаю весь ужас своего преступления и сам гибну жертвой того же опыта, которым погубил и бедного негра.

Знающим меня известно, что я посвятил свою жизнь науке, что я неоднократно рисковал, берясь за самые сложные и опасные эксперименты, с единственной целью – найти истину, которой думал осветить мир.

Я привил себе сифилис, чтобы доказать действительность препарата профессора Эгье; я провел шесть месяцев в самом очаге чумы, в Голконде, производя рискованные опыты с культурой чумных бацилл; я выдержал мучительный искус двенадцатидневного голода; я, больной цингой и скорбутом, зимовал на крайнем севере; я, с ружьем в руках и револьверами за поясом, потрясаемый желтой лихорадкой, шел во главе опасной экспедиции по истокам Нила; я доказал, что электрический ток свыше 2000 вольт так же безопасен для человека, как дуновение ветерка, для чего спокойно занял место в кресле, на котором нью-йоркские гуманисты пытались разрешить задачу о безболезненной смертной казни...

Все: это, в связи с неустанной, напряженной многолетней, работой в лабораториях, дало мне звание члена Пастеровского института, уважение величайших ученых нашего времени и даже некоторую славу если и не выдающегося ученого, то, во всяком случае, – человека, бескорыстно и страстно преданного науке.

Теперь все это, конечно, забыто, и я сам вспоминаю об этом вовсе не для того, чтобы облегчить тяжесть общественного негодования, а только затем, чтобы стало понятно, почему именно мне было естественно прийти к своему странному, жестокому и роковому опыту.

Человек, который столько раз жертвовал собственной жизнью ради идеи, и жертвовал совершенно бескорыстно (ибо умри я как пораженный молнией, хотя бы во время опыта с электрическим эшафотом, я даже не узнал бы, что вышло из моей жертвы), имел некоторое основание, если не право, воспользоваться для опыта и чужой жизнью, раз собственная просто была непригодна для опыта именно такого рода.

Я не стану говорить о том, каким путем сложных изветвлений мысли я пришел к необходимости своего опыта, и скажу только, что, посвятив все силы и самую жизнь знанию, я, естественно, должен был задуматься наконец над вопросом: в знании ли залог счастья человеческого, добро или злу служу я, созидая – не разрушаю ли?

О, сколько умных, ученых, совершенно искренних и благородных людей проводят жизнь в труднейших изысканиях, открывая все новые и новые тайны природы и ни разу не задумываясь над тем, куда они ведут человечество, которому служат всеми силами своей души.

Я сам, прививая себе яд ужасной болезни, не думал тогда о том, что, сохраняя жизнь пораженным индивидуумам, подготавливаю целые века страданий для их потомства – слабоумных, калек, уродов и злодеев.

Да, ученый ищет истину только для ближайшего этапа того пути, на котором стоит: открывая взрывчатое вещество, он не заботится о том, что его динамит больше разорвет человеческих тел, чем скал, больше породит ненависти и преступления, чем машинных двигателей. Ему важно сделать лишний шаг по пути в вечную тьму, окружающую человечество, а куда ведет этот путь, что ожидает человека в конце этой дороги, он если и думает, то лишь общими красивыми фразами – этим непостижимым божеством человечества, во имя которого оно миллионы лет обливается кровью и слезами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.